

М. В. Китайгородская,

Н. Н. Розанова

ЯЗЫКОВОЕ
СУЩЕСТВОВАНИЕ
СОВРЕМЕННОГО
ГОРОЖАНИНА

На материале языка Москвы

STUDIA PHILOLOGICA

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова

ЯЗЫКОВОЕ
СУЩЕСТВОВАНИЕ
СОВРЕМЕННОГО
ГОРОЖАНИНА

На материале языка Москвы

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

УДК 801.161.1
ББК 81.2Р
К 45

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 09-04-16063

Рецензенты:

доктор филологических наук *М. Л. Каленчук*,
кандидат филологических наук *Е. Ю. Кукушкина*

М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова

К 45 Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 496 с. — (Studia philologica). — (Вклейка после с. 288.)

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0439-3

Книга посвящена изучению речевого быта современного города. В фокусе внимания авторов — повседневные речевые практики жителей мегаполиса, т. е. их языковое существование. Аутентичные записи живой речи — это своего рода «речевой хаос», речевой континуум, который требует систематизации. Авторы выбрали принцип ситуативно-жанровой стратификации повседневной речи. В центре внимания исследователей — речевой жанр как тип текста, выделяемый на основе комплекса коммуникативных параметров ситуации. В рамках предложенной модели описания речевого жанра в книге анализируется целый ряд актуальных ситуаций городского общения («Улица», «Транспорт», «Магазин», «Аптека» и др.). Описание повседневных речевых практик горожанина представлено в контексте окружающей его речевой среды. Это не только устная речь, но и разного рода письменные тексты — плакаты, вывески, объявления и т. п.

Записи повседневной городской речи, которые авторы проводили на протяжении двух последних десятилетий, позволили увидеть динамику языкового существования горожан, заметить «старое» и «новое» в жизни города и представить речевой мир повседневности в социокультурном контексте.

Книга адресована филологам-русистам, специалистам в области социолингвистики, теории речевой коммуникации; она может быть полезна представителям «смежных» гуманитарных наук — антропологам, социологам, культурологам, исследующим мир повседневности, а также всем интересующимся проблемами современной городской речи.

ББК 81.2Р

*В оформлении переплета использована картина
А. В. Лентулова «Василий Блаженный», 1913*

М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова

**ЯЗЫКОВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОЖАНИНА
НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА МОСКВЫ**

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор А. Полякова. Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 17.09.2010. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1,
печать офсетная. Усл. печ. л. 31. Тираж 800. Заказ №

Языки славянских культур. № госрегистрации 1037789030641
Тел.: 959-52-60. E-mail: lrc.phouse@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ISBN 978-5-9551-0439-3

© М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, 2010
© Языки славянских культур, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Повседневность как объект изучения в современных гуманитарных науках	9
Город в контексте повседневности: основные направления в изучении языка города	18
Задачи исследования и структура работы	33
Материал исследования	36
Условные обозначения	37
ГЛАВА 1. Горожанин и его речевая среда	40
Город как коммуникативное пространство: тенденции к дифференциации и интеграции	40
Современное городское общение: тенденции развития	50
Старое и новое в городском общении: виды коммуникации, типы ситуаций и их жанровое воплощение	50
Разновидности коммуникации в зеркале противопоставлений	62
Устная / письменная коммуникация	62
Вежливая / грубая коммуникация	71
Нейтральная / игровая коммуникация	92
Городская номинация: фрагменты описания	119
ГЛАВА 2. Языковое существование и проблемы ситуативно-жанровой стратификации городской речи	146
Вопросы изучения коммуникативно-жанровой структуры устной речи в современных исследованиях	146
Ситуативно-жанровая структура городского общения	181
Типы ситуаций городского общения	181
Коммуникативные характеристики городского общения	184
Принципы членения коммуникативного пространства	184
Коммуникативные типы городского пространства	186
Временные характеристики коммуникации	188
Партнеры коммуникации в городском общении	193
Тема	196
Ролевая структура ситуаций современного городского общения ..	198

Принципы вычленения жанров речи	200
Жанры повседневной коммуникации	218
Практическая коммуникация	221
Монологические жанры	221
Диалогические жанры	223
Фатическая коммуникация	242
Монологические жанры	244
Диалогические жанры	250
Жанры в речевом континууме	252
Особенности жанрового воплощения типовых ситуаций:	
городские стереотипы	258
Речевые стереотипы и стереотипы поведения:	
свойства и функции	258
Речевой шаблон и отступления от него	261
Иллокутивный потенциал стереотипа	262
О некоторых особенностях текстовой организации стереотипов	270
Что дает изучение стереотипов, речевых клише?	273
ГЛАВА 3. Языковое существование современного горожанина	
в ситуациях и жанрах	278
Транспорт	279
Маршрутка	280
Наземный транспорт: автобус, троллейбус, трамвай	294
Улица	311
Магазин	328
Аптека	355
Рынок	362
ГЛАВА 4. Языковое существование горожанина	
в социокультурном аспекте	381
Городские персонажи и их тексты:	
речевые произведения городских нищих	381
Кладбище	408
Недавняя история: «ушедшая натура»	
в записях устной городской речи	426
Очередь	426
Микродиалоги времени товарного дефицита	
и введения свободных цен (конец 1991 — начало 1992 г.)	438
Обмен крупных денежных купюр: «Павловская реформа»	443
Давняя история: голоса московских улиц начала XX века	
(по материалам архива Е. З. Баранова)	453
Заключение	474
Литература	477

Глава 1

ГОРОЖАНИН И ЕГО РЕЧЕВАЯ СРЕДА

Город как коммуникативное пространство: тенденции к дифференциации и интеграции

«Город — единство непохожих». Так в афористичной форме определил город Аристотель. В этом определении отражены две взаимосвязанные противоположенные тенденции, которые характеризуют как социальную жизнь города, так и его речевой быт. Это тенденции к дифференциации и интеграции.

Тенденция к дифференциации

Изучение социальной и функциональной дифференциации языка традиционно для лингвистики. Отметим еще раз, что применительно к языку города необходимость его изучения в соотношении с социальной стратификацией городского населения со всей определенностью была сформулирована Б. А. Лариным: «Содержание лингвистической истории большого города — в борьбе языков, отражающей непрерывное столкновение и скрещивание в нем разнородных культур» [Ларин 1977: 190]. Полигlossenность признавалась Б. А. Лариным в качестве основного принципа языкового существования горожанина. На уровне языковой личности полигlossenность как отражение тенденции к дифференциации проявляет себя во владении разными языковыми подсистемами, пользование которыми определяется коммуникативными условиями общения.

Язык современного города — явление многообразное и лингвистически неоднородное. Социальная (субстратная) гетерогенность города во многом является основой его языковой неоднородности. Так, Москва всегда представляла собой «языковой котел», т. к. большую часть населения составлял пришлый люд. Разнообразные «диалектные вливания» в коренной московский говор не могли не внести определенных изменений в картину речевой жизни города. Сошлемся на следующее высказывание С. С. Высотского:

⟨...⟩ эта заведомая неоднородность объекта наблюдения зависит от того, что современный срез языкового ландшафта большого города, как известно, представляет продолжение, наследие многих линий развития городской речи Москвы дореволюционного периода, причем речи различных социальных кругов городского населения. В связи с новыми качественными условиями развития национального языка в послеоктябрьский период эти линии смешивались, нередко теряли свои прежние отличительные черты, испытывали влияние вновь складывающегося языкового стандарта, а с другой стороны, не могли устоять от воздействия на систему и диалектной речи пришельцев, новых москвичей, которых сейчас в Москве — вместе с их вторым поколением, уже московскими уроженцами, — до 80 %. Если вспомнить, что и до революции Москва когда-то тоже была неоднородной, в ней было около полутора миллионов только населения, а сейчас до семи миллионов, и, безусловно, Москва пополнилась в таком гигантском масштабе за счет приезжих, а не путем естественного прироста [Высотский 1984: 26].

Тема неоднородности социального состава жителей (москвичи / приезжие, богатые / бедные, русские / инородцы и т. п.) нередко актуализируется в речи современных горожан, к сожалению, обычно при конфликтном взаимодействии.

(В автобусе мужчина М. едет с маленьким сыном, который все время вертится. Напротив сидит женщина Ж.)

М. Ну чё ты крутишься/ сиди спокойно/ кому говорю//

Ж. И чего вы к ребёнку привязались? Он же никому не мешает!

М. А ваше какое дело? Сидите молчите!

Ж. А что вы всё время орёте? У вас что/ психоз? Ага/ точно психоз//
На почве алкоголизма!

М. Алкоголизма?! Да/ понаехали тут! Учат вот!

Ж. Я?! Я понаехала?! Да это вы сюда понаехали! Из Ивановской области! И орёте... на всю Ивановскую!!!

* * *

(В автобус заходит не очень трезвый мужчина М. с пивом. Рядом с ним оказывается мужчина, одетый в костюм М. недружелюбно смотрит на него и говорит)

М. А чё ты в автобусе в костюме ездешь? В машине ездил// *Богатенький/ блин//*

Приведем также типичный пример письменного объявления, имплицитно отражающего характер современной миграции: *Русская семья снимет квартиру.*

Языковая неоднородность города обнаруживает себя в разных формах. Городская речь, как говорилось выше, существует в нескольких функционально-стилистических разновидностях — КЛЯ, РР и просторечие. Кроме того, проявлением социально обусловленной гетерогенности являются профессиональные и социальные жаргоны.

При внимательном наблюдении социальное и функционально-стилистическое расслоение городской речи постоянно «проступает» в повседневном городском общении. Это вышедшие на вывески городские номинации, воспроизводящие лексические ресурсы и модели разговорной речи (кафе *Забегаловка*, комиссионный магазин *Комок*, магазин *За высоткой*, магазин распродаж *Остатки сладки* и мн. др., см. подробнее ниже). Мы уже привыкли, что богатая неофициальная городская микротопонимика звучит в СМИ. Например, на радио в информационных текстах о пробках на дорогах закрепились разговорные номинации типа Рублевское шоссе — *Рублевка*. Ср. также образованные по этой модели: *Дмитровка*, *Рязанка*, *Каширка*, *Ленинградка*.

Просторечная, жаргонная стихия проступает в названиях (чаще всего палаток), мотивированных мужскими именами собственными в их неполной форме, прозвищами: *Серёня*, *Просто Лёня* (возможно, по ассоциации с главным героем рекламы МММ), *Толстый*, кафе-палатки *У Лысого*, *У Рыжего*. Заметим, что жаргонные элементы как экспрессивные средства появляются и на городских рекламных щитах: (реклама одного из мебельных магазинов) *Мебель в натуре и на заказ!*; (реклама спортивно-развлекательного центра) *Забей на скуку!* Черты городского просторечия прочитываются на модельных ценниках, табличках нищих и в рекламных текстах:

(Мужчина в переходе метро торгует декоративными свечками. На его лотке объявление)

Любят все — и стар и млад,
когда свечи под Новый год горят.
Свечу поставьте в центр застолья
и избежите bestолковья.

В 90-е годы на улицах Москвы (обычно на рынках и у станций метро) можно было часто услышать «речевые произведения» представителей особой социальной группы — «наперсточников», картежников и игроков в азартное лото. Ср. образец речи карточного шулера:

Для убеждения ваших глаз/ показываю еще раз! Две красные проигрывают/ черные выигрывают// Три движения/ ваше зрение// Веселей играем/ карту выбираем!

Многие номинации, свойственные речевым практикам представителей той или иной профессии, социальной группы, обнаруживают себя в актуальной коммуникации. Ср.: (вывески торговых павильонов на строительном рынке) *Электрика, Крепеж*; (женщина на Птичьем рынке торгует котятками разных пород) *Тут британцы/ два перса/ и два сибиряка//*. Ср. также омонимичные именам лиц по национальной принадлежности названия машин по странам-производителям, которые выходят в рекламу, тиражируются в СМИ и внедряются в общий речевой обиход автолюбителей — *корейцы, узбеки, японки*.

Совмещение разных типов дискурса можно наблюдать и в официальных текстах городской среды. Ср., например, плакат, посвященный празднику воздушно-десантных войск: *2-е августа 2009 года 11.00. Красная площадь. День ВДВ РФ / Ильин день/ Пророче божий Илье, моли бога о нас!*

Речевое многоголосие митинга

В недавней истории современной Москвы был примечательный период, когда речевая полифония ярко обнаруживала себя при непосредственном взаимодействии больших социальных пластов горожан. Это митинги 90-х годов XX в.

Изменение политической ситуации и условий реализации политического дискурса привели к активному вовлечению в сферу публичной политики самых широких слоев населения. Митинги — уникальный феномен, когда одновременно в едином коммуникативном пространстве в состоянии реального интерактивного взаимодействия оказываются представители самых разных социальных групп, которые в «мирное» время могут и не пересекаться¹. Участники митин-

¹ А. А. Бородатова и Л. А. Абрамян в этно-культурологическом исследовании событий августа 1991 г. пишут о снятии целого ряда оппозиций, социально значимых в условиях повседневной жизни: «народ — милиция», «русские — иностранцы», «простые труженики — предприниматели», «кооператоры — рэкетеры», «старшие — младшие», «водители — пешеходы». Ср. их интересные наблюдения об активном участии «панков» в дни августовского противостояния: «Оказалась снятой даже оппозиция между самым экстравагантным и сумбурным крылом молодежи — панками и их антагонистами. Панки, по природе своей политически неактивная социальная группа, на этот раз выступили против хунты вместе с людьми, по своему социальному положению, убеждениям и внешности противостоящими панкам. О позиции панков говорит плакат: “А если двинут на Россию танки./ Навстречу встанут батальоны панков./ Вооруженные гитарами «Урал»”. Интересно, что гитары, при помощи которых панки создают свой особый, отгороженный ото всех мир, здесь превращаются в оружие, призванное защитить

га объединены общими политическими пристрастиями, хотя мотивы участия в митинге могут лично варьироваться. Пространственно-временные особенности коммуникации накладывают свой отпечаток на характер речевого общения участников. Несмотря на то что участники митинга относятся к разным социальным слоям общества, их объединяет общее стремление к политической самоидентификации, потребность в обретении идеологической «точки опоры» в процессе общения среди «своих».

В едином коммуникативном пространстве митинга сталкиваются и взаимодействуют, оказывая влияние друг на друга, разные дискурсы. «Речевое многоголосие» митинга свидетельствует о том, что его социальная база (вне зависимости от политической ориентации) не замыкается рамками какого-то одного социального слоя, т. е. не является гомогенной. Подтверждение тому — различные речевые меты, определяющие участника митинга как носителя литературного языка, городского просторечия или молодежного жаргона:

(Записано 19.04.92 на митинге у Белого дома в поддержку экономической реформы)

А. (муж.) Только свобода вот эта/ даст возможность/ сделать *изобилие*// Почему? Вот я выгодно продал картофель/ завтра другой подумает/ «ага»/ он видит/ свобода// «Я буду *садить картошку*»// На следующий год *насодит*/ и/ цена упадет до уровня/ приемлемого для всех// Будет *изобилие*/ как при *капитализ*’*ме*// Для рабочего кто работает/ тот там/ в *изобилии* живет//

* * *

(Перед центральным входом молодые люди, защитники Белого дома, переговариваются друг с другом. Записано 19.08.91)

А. Эй/ Миш!

Б. Да давай здесь (будем стоять)//

А. Пойдем *харчик* возьмем//

В. Вы где?

А. Эй! Пойдем *харчик* возьмем сейчас//

В. А-а/ *это по делу*// Да//

Люди с разными речевыми навыками в процессе непосредственного коммуникативного взаимодействия осваивают «чужой дискурс». Ср. пример:

не только этот мир, но и всю страну от угрожающего им тоталитарного режима» [Бородатова, Абрамян 1992: 51].

(Записано 19.08.91 на площади перед Белым домом. Пожилая женщина Г. рассказывает о последних событиях)

Г. А новая информация/ это то/ что/ десантники щас рязанские здесь//

Д (муж.). А что это значит?

Г. Ну они перешли на сторону-у... *восемь этих самых/ да... на-а... как они... не...бэ...мэ... как они? Нет-нет...бэ... мэ...это самое... как они?*

[машины//

[Д. Ну бронемашини такие//

В (муж., подсказывает). Бэ-тэ-эры//

Г. Нет/ даже не бэ-тэ-эры// *По-другому они как-то называются//*

Е (муж.). БМП//

Г. БМП// *Сэршено верно// А-а... ай... это самое м-м... дивизия... не дивизия/ а-а... гарнизон/ перешел//*

Д. Рязанская?

Г. Не рязанская/ это рязанская вот она// *А гарнизон/ в это самое... как он? Кан[т'э]мировский был//*

Е. Ну//

Речевое многогласие митинга создает своеобразный с л у х о в о й о б р а з толпы. О подобном слуховом образе толпы на рыночной площади писал М. М. Бахтин, анализируя творчество Рабле. Он отмечает, что Рабле изображает площадь своего времени с ее пестрым социальным составом при помощи «речевых мет» — клятв, которые были специфичны для каждой социальной группы или профессии. Вот так интерпретирует М. М. Бахтин речевую реакцию парижской толпы на древний площадной жест Гаргантюа (он обливает толпу мочой), которому надоело ее назойливое любопытство:

Перед нами очень живой и динамический, громкий образ пестрой парижской толпы XVI века. **Мы слышим ее социальный состав** (выделено нами. — М. К., Н. Р.): мы слышим гасконца («pro car die bious» — «головой господа»), итальянца («pote de Christo — «головой Христа»), немецкого ландскнехта («das dich Gots leyden shend»), зеленщика и продавца овощей (святой Фиакр Брииский был патроном садоводов и огородников), сапожника (святой Тибо — патрон сапожников), пьяницу (saint Godergrain — это был патрон любителей выпить). И все остальные клятвы (всего их здесь двадцать одна) имеют какой-нибудь специфический оттенок, вызывают какую-нибудь дополнительную ассоциацию [Бахтин 1990: 210].

Тенденция к интеграции

Чаще всего, возвращаясь вечером домой, мы вряд ли вспомним лица тех людей, с которыми сталкивались в течение дня (лица продавцов в супермаркете, служащего в банке, пассажиров в вагоне метро, соседей по очереди в сберкассе, зрителей в соседнем кресле в кино-театре и т. п.). Ограниченность во времени, высокий темп городской жизни обуславливают недлительность анонимных контактов, которые осуществляются в малых жанровых формах в их стереотипном языковом выражении. Анонимность, обезличенность, стереотипичность, автоматизм являются определяющими характеристиками городского общения. Для успешности такой коммуникации язык города должен выработать максимально унифицированные языковые формы, а горожанину для успешной интеграции в городское сообщество необходимо усвоение моделей поведения, связанных с городским образом жизни, городского этикета, овладение «общим словарем» горожанина, городскими стереотипами и т. п.

На важность изучения интеграционных языковых процессов города, которые обычно остаются в тени, обращал внимание В. К. Журавлев [Журавлев 1987]. Именно с ними связано формирование наддиалектных языковых форм городской речи — городских койне, которым часто принадлежит важная базовая роль в формировании литературных языков.

Городские стереотипы как результат интеграционных процессов в языке города

Среди жанров городской речи, «обслуживающих» непосредственное коммуникативное взаимодействие *н е з н а к о м ы х* людей, естественным образом формировались и формируются жанры, имеющие «интердиалектный» характер, впитавшие элементы разных типов речевых культур — **городские стереотипы**.

Городские стереотипы, также как и устную некодифицированную речь в целом, нельзя оценивать с позиции нормы в традиционном ее понимании. Однако применительно к ней можно говорить о правильности / неправильности речи, под которой понимается следование определенным регламентациям, правилам, существующим как традиция, узус (*так говорят / так не говорят, так принято говорить / так не принято говорить*).

В процессе формирования стереотипа не всегда побеждают речевые навыки носителей кодифицированной литературной нормы. Вер-

бальная составляющая стереотипа может включать в себя элементы практически всех разновидностей городской речи: РР, просторечия, профессиональных жаргонов. Это неслучайно, поскольку отражает, как отмечалось выше, основной принцип языкового существования горожанина — **п о л и г л о с с н о с т ь**. Наблюдения над речевой практикой горожан и анализ хорошо известных всем речевых клише позволяет обнаружить в них черты разных типов городской речи.

В стереотипах присутствуют типичные **черты РР**. Назовем некоторые из них.

— Употребление стяженных лексикализованных вариантов высокочастотных в той или иной ситуации слов.

Транспорт. В контексте стереотипного вопроса *На следующей выходите?* узуальным является стяженное произношение *на следующей*. Т. е. в городском общении между незнакомыми победил разговорный вариант: [сл'эдуш'ь, сл'эдуш'ь]. В официальных объявлениях обычно реализуется кодифицированная норма: [сл'эдууш'ьиъ астанóфкъ].

В стереотипных просьбах пассажиров типа *Разрешите пройти!*; *Разрешите!* наиболее частотно стяженное произношение: [рш'ыт'ь, рш'ыт'ь].

Магазин. В стереотипном вопросе о цене товара узуально произношение слова *сколько* с эллипсисом согласного: *Скоко стоит?*

— Употребление типичных для РР конструкций с препозицией им. падежа.

Магазин. *Свитер/ какой размер?* (полная кодифицированная форма: *Будьте добры/ скажите пожалуйста какого размера свитер?*).

Улица. *Детский мир/ как пройти?* (полная кодифицированная форма: *Будьте добры/ скажите пожалуйста/ как пройти к Детскому миру?*).

— Употребление счетных форм.

Магазин. *Два кефира/ три молока//* (полная кодифицированная форма: *Будьте добры/ два пакета кефира/ три пакета молока//*).

В стереотипах достаточно много черт, которые с позиции КЛЯ оцениваются как **просторечные**.

Транспорт. В контексте стереотипа узуально, например, нейотированное произношение слова *троллейбус* [трал'эбус]:

А. Не видите/ это какой *тролебус* идет?

Б. Триц третий//

Улица. При обращении с просьбой указать дорогу высокочастотной является форма *не подскажете* вместо рекомендуемого литературной нормой обращения *скажите пожалуйста, не скажете*:

А. Вы *не подскажете*/ где здесь Фрунзенская улица?

В стереотипном вопросе о времени часто употребляется несклоняемая форма существительного *время*:

А. *Не подскажете скоко время?*

Рекомендуемый литературной нормой стереотипный вопрос *Скажите, пожалуйста, который час?* малоупотребителен.

Магазин. При покупке товара в стереотипных просьбах узуально использование счетной формы *сто грамм, грамм триста*²:

А. Будьте добры/ *сто пийсят грамм* сырокопченой колбаски//

Среди достаточно многочисленных «заимствований» **из профессиональной речи** необходимо назвать прежде всего следующие лексические единицы:

— глаголы — семантические конденсаты, впитавшие значение актанта: *пробить* (чек), *отпустить* (товар), *отложить* (оставить товар на время), *отвесить* (одежду; раньше употреблялось выражение *оставить на контроле*), *завесить* (товар), *сделать* (лит. *взвесить*), *завезти* (товар);

— специфические «торговые» номинации размеров обуви, одежды: *большая полнота, маломерки, эска, эмка, элька*.

Стали общеупотребительными некоторые слова, пришедшие из сферы делового общения: *отзвонить, отзвониться, отъехать* (‘отлучиться на время’; ср. старые *отошел, вышел*).

Из профессиональной речи риэлторов, строителей, чиновников пришли номинации типов домов и квартир: *кирпич, монолит, панель, сталинка, однушка, двушка, трёшка*.

² Вариант род. п. *грамм, килограмм* в соответствии с нормами КЛЯ оценивался как нелитературный, хотя в магазинных стереотипах реализовалось только безальтернативное употребление *грамм, килограмм*. Только в Орфоэпическом словаре 1983 г. впервые в лексикографической практике было признано существование еще одного падежа — так называемой счетной формы [Орфоэпический словарь русского языка 1983: 689]. Относительно слова *грамм* отмечалось, что в счетном падеже оно «может иметь и вариативное выражение: *грамм и граммов*» [Там же].

Как показывают приведенные примеры, стереотипное городское общение — это та область речевой практики, где допустимо, даже в речи образованных людей, употребление не вполне литературных с точки зрения КЛЯ форм. Многие стереотипы имеют достаточно широкий вариативный коридор: *Взвесьте/свешайте/завесьте килограмм яблок; Выберите/пробейте чек; Сколько времени/Который час/Скоко время?; Вы выходите/сходите?; Сколько стоит/В какую цену/Почем?* и т. п. Однако в рамках городской коммуникации они равноправны, хотя и маркированы по социально-групповому признаку.

В стереотипных городских ситуациях обычно действует установка на максимально отстраненное, обезличенное общение, а владение речевыми и прагматическими клише имеет автоматизированный характер. Общение может приобретать более персонифицированный характер, если мы регулярно ходим в одни и те же магазины, сберкассы или на рынки и начинаем «различать» продавцов, кассиров и т. п., если их состав достаточно стабилен или же если анонимные контакты по тем или иным причинам отступали от нейтрального, предельно стереотипизированного, во многом автоматизированного общения. Кроме того, наблюдения показывают, что горожане в тех случаях, когда позволяют условия коммуникации (особенно в «статичных» ситуациях вынужденного ожидания на остановке, в очереди, во время поездки в транспорте и т. п.) и особенности характера, стремятся преодолеть обезличенность и автоматизм городских контактов. Своеобразным прологом к таким разговорам часто являются микродиалоги информативного характера. Ср.:

(Разговор между пассажирами в троллейбусе)

А. *(пожилая женщина)* А как он дальше идет?

Б. *(женщина средних лет)* По бульвару//

А. Это третий?

Б. Нет/ тридцать первый//

А. *Ну ничего/ мне всё равно// Говорят что иногда надо поменять направление// Проехать/ и уже будет легче// Я правда не пробовала// Стресс говорят снимает// Сейчас все в стрессе/ постоянно// Да наверно уж по-другому и не будет//*

Б. Наверно//

Вызвать эффект человеческого присутствия, преодолеть автоматизм существования в городской среде помогают и некоторые акции городских властей. Так, на некоторых линиях метро звучали голоса популярных артистов (Ю. Яковлева, Л. Гурченко, В. Талызиной и др.), объявлявших названия станций. Кроме того, еще несколько

лет назад в метро появились плакаты, адресантом которых являются службы метрополитена (персонифицированные в зрительном ряде — на фотографии девушки в униформе), а адресатом — пассажиры. Вербальный ряд реализует жанры пожелания, сообщения, приглашения и др. Ср. следующие примеры: *Пусть легким будет ваш путь!; Счастливого пути!; У каждой станции свой портрет. В московском метро одинаковых нет. 4143 вагона, 356 составов к вашим услугам.*

Проявлением той же тенденции (помимо просветительского назначения) может служить размещение на некоторых линиях в вагонах московского метро картин современных художников (своего рода «галерея на колесах»). Еще более необычным и останавливающим внимание пешеходов является размещение на стенах домов репродукций картин известных художников (т. е. предмет внутреннего пространства оказывается в открытом пространстве города).

Таким образом, город, его специфика обуславливают и специфику городского общения. В городе отмечаются самые различные типы коммуникации — устная / письменная, непосредственная / опосредованная, официальная / непринужденная, публичная / личная, массовая и нек. др. Основной персонаж городской жизни — рядовой горожанин — существует в городском пространстве, подчиняясь стереотипам городского образа жизни и деперсонализованному характеру общения. Однако город всегда оставляет возможность преодолеть автоматизм, обезличенность общения (заметим, что анонимность в отличие от обезличенности обычно не преодолевается — для этого нужна ситуация знакомства) и привлечь к себе внимание «лица необщим выраженьем». Этим тенденциям способствуют изменения экономической, политической жизни последних десятилетий и стимулированные ими процессы формирования новой социальной реальности.

Современное городское общение: тенденции развития

«Старое» и «новое» в городском общении: виды коммуникации, типы ситуаций и их жанровое воплощение

За последние десятилетия характер и структура городского общения претерпели значительные изменения, что вызвано общими политическими и социально-экономическими преобразованиями. Современную Москву отличает многообразие форм и н т е р а к т и в н о г о в з а и м о д е й с т в и я. Появление новых коммуникативных

ситуаций (уличная торговля, многочисленные мелкооптовые, вещевые и т. п. рынки, городские праздники, сопровождающиеся массовыми «народными гуляниями», всевозможные акции протеста, предвыборная уличная агитация и др.) способствует активизации контактов между незнакомыми людьми, когда общение на улице нередко приобретает характер активного диалога. Расширение сферы межличностного взаимодействия связано также с развитием индустрии развлечений и пропагандой здорового образа жизни (культурно-развлекательные центры, клубы, «шопинг» как одна из форм проведения досуга и т. п.). Новые коммуникативные ситуации и формы городского быта отражают процесс формирования новой социальной стратификации общества.

Процесс деидеологизации общества, смена ценностных доминант способствовали усилению личностного начала. Жители города — это совокупность речевых индивидуальностей, создающих своеобразный речевой портрет Москвы. Языковые пристрастия горожан обнаруживают себя в разных речевых формах — от спонтанных микродиалогов до городских вывесок, объявлений. Речевая жизнь современной Москвы отмечена возрождением игровой, карнавальной стихии, характерной для дореволюционного времени³. Новые социальные условия способствовали возвращению в речевую быт города многих старых жанров (устной рекламы, выкриков-зазывов, просьбы о милостыне и нек. др.).

Обобщая, можно сказать, что изменения в структуре и характере современного городского общения отражают действие следующих тенденций: усиление диалогизации городского общения; усиление личностного начала; возрождение игровой, карнавальной стихии в жизни города [Китайгородская, Розанова 1995б; 1996; 2003а]⁴. Эти тенденции соотносятся

³ Известно, что коренные социальные перемены в жизни общества способствуют более яркому проявлению карнавального начала и сопровождаются переодеваниями как в прямом, так и в переносном смысле (ср. время реформ Петра I, период революций 1905 и 1917 г.). Вспомним хотя бы ситуацию в русской литературе начала XX в., когда поиск индивидуальности для многих поэтов сопровождался поиском образа, маски, придумыванием гениальной внешности, разного рода мистификациями (Игорь Северянин, Бальмонт, Маяковский, Волошин и мн. др.). Маскарадность приемов характерна и для современного авангарда.

⁴ Подобные тенденции (наряду с явлениями стилистического характера) применительно к языку периодики впервые были отмечены М. В. Пановым [Панов 1988].

с основными характеристиками городского общения (анонимность, стереотипичность, автоматизм), а иногда и противостоят им. По-разному обнаруживают они себя в разных типах городской коммуникации — устной / письменной, непринужденной / официальной, непосредственной / опосредованной, личной / публичной, вербальной / акциональной.

Для того чтобы более наглядно представить формы проявления отмеченных тенденций и те изменения, которые произошли в городском общении за последние десятилетия, рассмотрим несколько ситуаций. Среди них ряд традиционных ситуаций городского общения с привычным набором ролей, где наблюдается тенденция к изменению жанрового репертуара и текстового воплощения жанра, а также некоторые типы новых коммуникативных ситуаций, которые постепенно «вырабатывают» свой набор речевых клише и стереотипов речевого поведения.

Городской транспорт

Одной из наиболее стереотипизированных ситуаций городского общения является ситуация «Транспорт». Здесь существует определенный набор устойчивых речевых клише, соотносимых с конкретной микроситуацией и имеющих высокую частоту употребления: *На следующей выходите?; Разрешите пройти//; Передайте за проезд//* и др. Изменение некоторых городских реалий ведет к замене стереотипа и его лексического наполнения. Так, на протяжении советского периода способы оплаты за проезд в городском транспорте менялись неоднократно⁵. В 60—80-е годы пассажиры должны были *опускать / бросать* в кассу деньги. Соответственно,

⁵ До 1957 г. городской транспорт работал с кондукторами и процедура оплаты проезда имела следующий характер: «Хозяином вагона была кондукторша (мужчины-кондуктора были редки) — обычно полная, пожилая женщина с громким голосом. Она продавала билеты — рядом с денежной сумкой на плече ее висели три билетные катушки. Почему три? Потому что до 1930 или 1931 года плата за проезд в трамвае была не единой, а в зависимости от расстояния, исчислявшегося «станциями». Станциями назывались не перегоны между соседними остановками, а несколько таких перегонов — вроде нынешних зон на пригородных поездках. Длина станций была разной и для меня не совсем вразумительной. Итак, билеты были трех родов: 8, 11 и 14 копеек. Продавались билеты и на «полторы станции». Незнающим кондукторша определяла стоимость билета по названной пассажиром остановке» [Федосюк 2004: 55].

в этой ситуации актуализировались стереотипные речевые формулы типа: *Опустите* пожалста пять копеек//; *Не бросайте* пятак// и т. п. Затем перешли на *компостирование* проездных документов. Эта ситуация породила целый синонимический ряд предикатов, обозначающих данное действие: *пробить*, *выбить*, *прокомпостировать*, *проколоть*, *стукнуть*. Ср. следующие возможные варианты употребления: Будьте любезны/ вы не *прокомпостируете?*; *Пробейте* пожалста//; Вы не могли бы *проколоть* талончик?; Девушка/ *стукните* там//. Об освоении этой модели стереотипа в Челябинске см. [Шкатова 1988]. Со сменой названия проездного документа, который следовало компостировать, менялся актант при соответствующем глаголе: Не пробьете мне там *билетик/ а?*; Пробейте *талон* пожалста//; Девушка/ *карточку* пробейте//.

Последнее новшество наземного пассажирского транспорта — «электронный кондуктор» — первое время вызывало бурю возмущения у пассажиров, поскольку ломало привычные стереотипы поведения. Согласно новому правилу, вход в автобус (троллейбус, трамвай) осуществляется через переднюю дверь, а не через заднюю, как ранее, о чем обычно сообщает водитель: *Посадка производится через переднюю площадку*//. Первоначальная реакция многих пассажиров оказалась резко негативной. Новая транспортная ситуация активно обсуждалась и нередко становилась темой конфликтных разговоров. Ср.:

(В автобус заходит мужчина)

М. Вот! Понаставили автоматов! Почему контролеров (*имеет в виду кондуктора*) нет! Никто работать не хочет!

Ж. (*женщина излагает свою версию*) Контролер / это место// Значит/ на одно место будет меньше/ а билет дороже// Минус место/ плюс деньги/ понял? (*М. замолкает*)

* * *

(Женщина Ж. возмущается нововведением, стоящий рядом мужчина М. старается ее успокоить)

Ж. Ну какой дурак мог до такого додуматься! Не все же на шестисотом мерседесе ездят!

М. Ничего/ приспособятся!

Ж. Да ничего не приспособятся! Я от Октябрьской еду/ так мы там полчаса стояли/ ждали пока все через эту дырку пролезут//

М. Ну ничего/ научатся//

Ж. Да не научатся/ а сломают всё к чертовой матери! Ну дураки/ вот дураки! Сначала делают/ а потом думают//